

Ван Дачжуан не только сам поднялся, но и помог подняться ему, сменив угол зрения так, что тот увидел обнаженное тело Ван Дачжуана во всех подробностях. Но этот простак ничего не замечал, все его помыслы были прикованы к ране, а распущенные длинные волосы лишь колыхались перед глазами.

Только что перебинтованные пальцы Юй Чанцина слегка сжались, длинные ресницы дрогнули, и он украдкой отвел взгляд, не осмеливаясь смотреть дальше.

Лицо Ван Дачжуана было бледным, очевидно, ему сейчас было нехорошо, но все его беспокойство было лишь о его ране. Если он в такой момент выдаст какую-нибудь неприглядную слабость, Ван Дачжуан наверняка сочтет его развратником. Тогда его образ в глазах Ван Дачжуана рухнет окончательно. Нужно держаться. Впереди еще много времени.

Ах, какой Ван Дачжуан заботливый, накрыл его своей одеждой.

Юй Чанцин под полами длинного одеяния незаметно поджал одну ногу.

Эх... где же обещанное очищение сердца и умерщвление желаний? Должно быть, действие лекарства оказалось слишком сильным, и в теле еще остались его следы.

Ван Дачжуан не чувствовал никакой опасности и не питал ни малейших посторонних мыслей. Его Сяньцзюнь был так тяжело ранен, как он мог позволить себе отдых? Он лишь молча покачал головой, заклинанием очистил кровь вокруг раны, преобразовал духовной силой лекарство в порошок и посыпал им рану на плече.

Рана, нанесенная тупым оружием, имела неровные края и выглядела особенно ужасающе на фоне белой кожи Юй Чанцина. Ван Дачжуан, перевязывая ее и нанося лекарство, то и дело осторожно дул на нее, а от жалости глаза его покраснели.

Он искренне переживал. Сяньцзюнь был для него сокровищем сердца. Даже мысль о том, что тот сидит на земле, вызывала в нем душевную боль, не говоря уже о такой ужасной ране. Он лишь проклинал свое низкое мастерство и беспомощность. Будь он столь же силен, как глава секты, то тоже мог бы громко крикнуть: «Кто смеет ранить моего Сяньцзюня!» — броситься в бой и сразить нападающих. Но он мог лишь сидеть, запертый в Колоколе Черной Черепахи, беспомощно наблюдать, как Сяньцзюнь, защищая его, становится жертвой коварства негодяев, получает раны и истекает кровью.

Юй Чанцин, видя его выражение лица, мягко утешал:

— Это всего лишь небольшая рана, ничего страшного. В юности я получал бесчисленное количество тяжелых ранений, и никто даже не перевязывал меня. По сравнению с тем это пустяк. Не печалься.

Лучше бы он этого не говорил. Едва он произнес эти слова, как в уже покрасневших глазах Ван Дачжуана вспыхнули слезы. Однако он быстро моргнул несколько раз, подавив эту кислую горечь, молча перевязал рану, а затем перевел взгляд на большую гематому на стройном боку Юй Чанцина. Голос его дрожал, срываясь:

— Здесь крови нет, но такой сильный ушиб наверняка повредил внутренности. Сяньцзюнь...

Он не удержался, наклонился и нежно поцеловал это страшное сине-багровое место, тихо проговорив:

— Впредь я буду заботиться о тебе, Сяньцзюнь. Я больше не хочу видеть, как ты получаешь хоть малейшую рану.

Сердце Юй Чанцина смягчилось, но он не знал, как утешить его словами. Он поднял руку, притянул Ван Дачжуана и уложил себе на грудь, а потом начал тихо похлопывать по спине.

Он помнил, как в юности, скитаясь по улицам, видел, как плачущих детей родители успокаивали именно так, и это часто помогало. Сейчас Ван Дачжуану было горько, возможно, так и ему станет легче.

Ван Дачжуан, боясь придавить рану, слегка заерзал:

— Сяньцзюнь, я могу задеть рану... отпусти меня.

Юй Чанцин нарочно хотел увести разговор в сторону, чтобы тот не заикливался лишь на его ранах, и потому тихо усмехнулся:

— Ты же только что спал на мне и не боялся.

Лицо Ван Дачжуана тут же запылало, но он все же тихо возразил:

— Я... я старался не задевать твою рану...

Рука Юй Чанцина переместилась к его пояснице, нежно массируя, а сам он мягко спросил:

— Я знаю, ты ко мне относишься лучше всех. А ты сам как? Нигде не болит?

Ван Дачжуан чувствовал, как его ладонь постепенно скользит ниже, и лицо у него словно закипело. От смущения он едва не зарылся головой ему под мышку и глухо пробормотал:

— Все нормально... Я крепкий. Сяньцзюнь, тебе теперь лучше? Действие лекарства прошло?

Лицо Юй Чанцина тоже слегка потеплело, но голос оставался спокойным, он тихо ответил:

— Прошло.

Ван Дачжуан запоздало осознал, что быть вот так обнаженным стыдно, и, сопротивляясь, поднялся и достал из пространственного кольца комплект одежды. Сначала он хотел отойти куда-нибудь и одеться спиной к Сяньцзюню, но тут вспомнил, что они уже прошли через двойное совершенствование и теперь связаны самой тесной связью на свете. Значит, нечего больше пугаться и тем более прятаться от него. Подавив стыд, он встал у кровати и прямо там начал натягивать на себя одежду.

Юй Чанцин, прислонившись к изголовью кровати, наблюдал, как тот с голым торсом натягивает штаны. Пшеничный цвет кожи отливал легким сиянием, тонкий слой мышц облегал кости. Без одежды он казался еще более худым, но не слабым. Тонкая, упругая талия уходила под пояс штанов, рождая невольные мысли. Когда Ван Дачжуан повернулся, среди черных волн волос мелькнули красивые ямочки на поясице. Юй Чанцин не удержался, протянул руку и слегка коснулся его поясицы.

Ван Дачжуану стало неловко из-за этого откровенного взгляда, и он отвернулся, чтобы надеть нательную рубашу. Прохладное прикосновение к поясице застало его врасплох, он обернулся и встретился глазами с Сяньцзюнем и рукой, которую тот не успел убрать. Решив, что он опять беспокоится о его поясице, Ван Дачжуан покраснел, как спелый плод, и, поспешно натянув верхнюю одежду, сказал:

— Ты не думай, что я какая-нибудь хрупкая девица. Даже если... ну, то самое, я все равно, я все равно Чжуан-гэ.

Юй Чанцин кивнул и серьезно ответил:

— Да, я знаю. Чжуан-гэ.

Это «Чжуан-гэ», произнесенное из уст Сяньцзюня, почему-то вызвало у Ван Дачжуана легкое покалывание во всем теле. Он не смел больше смотреть на сидящего на кровати с распущенными волосами Юй Чанцина, опустил голову и, двигая руками и ногами вразнобой, направился к выходу, говоря на ходу:

— Ну... это... глава секты и остальные не знают, что произошло, наверное, уже извелись от тревоги. Я схожу, сообщу, что все в порядке. Ты ранен, здесь безопасно, отдохни еще немного.

Юй Чанцин тоже достал из пространственного кольца новую одежду, накинул нижнюю рубашу и сказал:

— Не нужно. Ты забыл? В этом бамбуковом домике время течет иначе, чем снаружи.

Шаги Ван Дачжуана замерли. Обернувшись и увидев, как Юй Чанцин одевается, он поспешно вернулся назад и удержал его за руку.

— Эй, ты что такой неосторожный? У тебя же на плече рана, смотри, как бы она не разошлась.

Он забрал у Юй Чанцина нижнюю одежду и очень осторожно помог ему одеться, а потом хотел уложить его обратно. Но Юй Чанцин беспомощно сказал:

— Не нужно ложиться, со мной все в порядке.

Ван Дачжуан мягко, но решительно прижал его, чтобы тот лег, и тихо произнес:

— Ты ранен и потерял много крови. Что плохого в том, чтобы немного полежать и отдохнуть? В конце концов, время в этом домике заморожено, давай просто воспользуемся моментом для отдыха.

— Тогда и ты ложись, — сказал Юй Чанцин.

Тело Ван Дачжуана действительно немного ныло, и он, послушавшись, взобрался на ложе, перелез через Юй Чанцина и улегся у стены, протянув руку и легонько похлопывая его по груди.

— Хочешь немного поспать?

Юй Чанцин перехватил его руку.

— Я только что очнулся, не хочу спать.

Ван Дачжуан кончиками пальцев осторожно коснулся тыльной стороны его ладони, боясь задеть перебинтованные пальцы, и тихо сказал:

— Лучше, когда ты такой прохладный, как сейчас. Раньше ты был таким горячим, что я чуть не умер от страха. Как это лекарство может быть таким сильным? Ты ведь всего лишь вдохнул его запах, а уже вот так... если бы применяли по-настоящему, разве не...